

зарывать, а поправлю у ней голову.“ Спустился онъ въ могилу и шепчетъ женѣ: „жена, скажи, что мужчина — выше, я тебѣ прошу; вѣдь въ самомъ дѣлѣ самецъ шелъ впереди.“ — Нѣтъ самка шла впереди, отвѣчала жена. Такъ и похоронили. Эта сказка разказывается еще иначе: жена говорила, что трава стрижена, а мужъ, что трава кошена, и когда мужъ съ досады сбросилъ жену въ рѣку, то утоная, она изъ воды пальцами дѣлала знакъ, что трава стрижена. Такъ и утонула. Это разказывается также у Сербовъ и у Русскихъ.

Примѣч. 25. Про чуму разказываются разныя разности. То она является собакой, крысой, то человѣкомъ, а именно: цыганомъ или цыганкою. Не всякій можетъ хоронить умершихъ отъ чумы, а только тѣ которыхъ чума любитъ. Если она не любитъ человѣка, то и убьетъ его, а если полюбитъ, то заговорить съ нимъ, разказываетъ ему, кого она уморить на слѣдующій день, и вотъ эти то любимцы ея и хоронятъ затумленныхъ, нисколько не боясь чумы. Разныя преданія о чумѣ будутъ помѣщены въ слѣдующихъ выпускахъ.

Примѣч. 26. Смотри въ Народномъ Дневникѣ: Іоаннь Златоустъ.

Примѣч. 27. Народъ, городъ и даже село или деревня, находясь въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ другимъ народомъ, городомъ селомъ или деревней, выдумываютъ другъ про друга анекдоты, насмѣшки и т. под. Такъ, напр., Русскій народъ потѣшается надъ Нѣмцами, Украинцы надъ Жидами, Поляками и Москалями, Сербы надъ Нѣмцами и Турками а Болгары надъ Греками, Цыгарами (Куцо-влахами) и Цыганами. Болгары, живущіе въ Тракии и Западной Болгаріи (Македоніи), разказываютъ анекдоты про Шодовъ: „Веднашъ Шопе отишле въ кръчмарницата да пиятъ, и кога-то са понаниле, ти-е лѣгнале да спать. Дошле луди момче-та и обръснале на Шопе-те бради-те и мустаки-те. Кога-то ти-е поотрезвеле, станале и гледать единъ на други и немогатъ да са познаять и питать са: „тѣ ли си Море, бае, Трено?“—Я сумъ бае Ноце, а тѣ, тѣ ли си?—„Я сумъ.“—